

Калинников Л. А. Э. Т. А. Гофман и И. Кант. Преодоление романтизма : монография. – Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. – 241 с.

Работа авторитетного калининградского кантоведа открывает новую серию книг «Кант в мировой духовной культуре». Лейтмотивом монографии стала мысль о решающем влиянии Канта на Гофмана. Нельзя не восхититься бесстрашием, с которым автор вступает в полемику практически со всеми предшественниками, отвергавшими такую связь. В этой борьбе приходится сокрушать авторитеты: Д. С. Лихачёв «не оценил адекватным образом» Пушкина (с. 41), «последовательного толкования творения Гофмана у Н. Я. Берковского... так и не получилось» (с. 82), Р. Сафрански ошибается в оценке «Житейских воззрений кота Мурра» как пародии (с. 118) и т. д. Л. А. Калинников приходит к выводу, что «своей значительностью творчество Э. Т. А. Гофмана в небольшой степени обязано напитывающим его идеям великого гения мировой философии» (с. 234), поэтому «отделить Гофмана от Канта – значит не понять важнейших интенций творчества художника» (с. 235).

«Черная легенда» о Гофмане, который толком не был знаком с философией великого земляка, появилась, по мнению автора монографии, благодаря Т. Г. фон Гипшелю. Показания мемуариста вызывают у Л. А. Калинникова сомнения в достоверности, потому что тот стремился «представить друга насколько возможно лояльным правительству» (с. 15), тогда как кантианцы считались либералами. Так же неоднозначно трактуются другие свидетельства, в том числе принадлежащие самому Гофману. Поскольку достоверных сведений биографического ха-

рактера недостает, Л. А. Калинин обращается к творчеству писателя с намерением построить внутренне целостную конструкцию гофмановского кантианства. Автор отдает себе отчет в трудности своего предприятия: «Определяющая роль Кантовых мотивов в творчестве Э. Т. А. Гофмана с трудом улавливается исследователями» (с. 25). Однако «устроенное на кантианский лад мировоззрение Гофмана проявляется как в содержании его творений, так и в его *эстетической и художественной методологии*» (с. 26).

В первой главе (всего их семь) автор рассматривает взаимосвязь художественного мира Гофмана и кантовской эстетики. Распространенная в истории литературы точка зрения о романтизме Гофмана отвергается: «...определяемое дуализмом Канта двоемирие Гофмана играет роль *доминанты нового стиля* в его творчестве» (с. 39). По Л. А. Калининскому, Гофман преодолевает романтизм под влиянием кантианства, уходя от канона к индивидуально неповторимому стилю. Вторая глава призвана аргументировать этот тезис с помощью реконструкции гносеологии Гофмана (на материале новеллы «Песочный человек»). Автор заключает, что «мир субъективных фантастических видений пост-«романтик» Гофман по-кантиански всегда соотносит с эмпирической реальностью, перед объективностью которой отступает любой субъективизм» (с. 49). Фантастический мир в двоемирии Гофмана служит критерием оценки мира реальности, что доказывает факт *преодоления романтизма* писателем.

Третья глава называется в гофмановском духе: «О предшественнике пуделя Понто, а заодно и кота Мурра, или О кантианстве естественном и сверхъестественном». Тут автор обращается к произведению «Известие о дальнейших судьбах собаки Берганца», в которой получает развитие сюжет М. Сервантеса. Разбирая проблему природы человека в ее художественно-философском смысле, Л. А. Калинин соотносит различные эпизоды новеллы с кантовской метафизикой нравственности (к примеру, история благородного поступка пса Сципиона, спасшего жизнь ребенку, полностью отвечает категорическому императиву). «Тем самым, — резюмирует исследователь, — логику Мигеля Сервантеса Гофман при помощи философско-этической концепции Канта доводит до предела, продемонстрировав абсолютную меру человечности животных...» (с. 77).

Повесть «Крошка Цахес» рассмотрена в четвертой главе как иллюстрация к памфлету Канта «Ответ на вопрос: Что такое Просвещение?». Вновь обнаруживается двоемирие Гофмана: «В этом плане он удивительно последователен, что и должно быть свойственно подлинному кантианцу» (с. 96). Л. А. Калинин угадывает Канта в образе профессора Зороастра — «старого ворчуна, который, однако, чертовски много знал» (с. 97). Может показаться, что в сочинениях ученика Зороастра Проспера Альпануса пародируется трактат Канта, однако в действительности, как это доказывает исследователь, в них высмеивается прусский «просвещенный режим».

Пятая глава посвящена «Житейским воззрениям кота Мурра»: «...роман в целом имеет кантианскую тональность, — полагает Л. А. Ка-

линников, — и детали романа окрашены в цвета, имеющие кантианский колорит» (с. 104). Определив жанровую природу романа, автор выявляет затем его философско-антропологический характер. Кант уделял внимание «художественным началам человека», и любимыми героями Гофмана становятся творческие натуры. Исследователь реконструирует кантовскую «философскую типологию человека» и примеряет ее к персонажам «Житейских воззрений...». Например, «решительная неохота когда бы то ни было расставаться с дольным миром» кота Мурра интерпретируется как стремление к самосохранению, детерминирующее поведение животного: «Гофман рисует своего героя строго по модели, разработанной Кантом, демонстрируя борьбу мотивов в его душе и неизменную конечную победу животного начала над разумным» (с. 134). Исследователь показывает богатые возможности многомерного видения художественных образов: кот Мурр то определяется как филистер (с. 117), то рассуждает как фихтеанец (с. 137), то становится альтер эго писателя (в гимне чердаку, трактуемом как клятва Гофмана в любви родному городу, с. 159).

В шестой главе автор обращается к «Мастеру Блохе». Смысл политической сатиры Гофмана интерпретируется в свете политической философии Канта (идея абсолютной необходимости свободы граждан, соответствующей категорическому императиву права). В последней главе исследователь увязывает историсофские мотивы новеллы «Угловое окно кузена» с идеями кантовского «Спора факультетов».

По тексту монографии рассыпано множество интересных ремарок, философские сентенции перемежаются с житейскими наблюдениями, моральные и политические суждения приобретают неожиданную злободневность в контексте проблем современного мира. Попытка автора представить творчество Гофмана как иллюстрацию к глубоко изученной им кантовской философии во всем идейном богатстве последней вполне оригинальна. Исследователь не ограничивается констатацией наличия интертекстуальных связей: читателю представлен целостный взгляд на художественный мир Гофмана, каким он *мог бы быть* в том случае, если бы гипотеза о кантовском влиянии подтвердилась со всей определенностью.

Со времен Вольтера известно, что хороши все жанры, кроме скучного: книга Л. А. Калининкова читателю скучать не позволит. Она побуждает к спору, тем более что в отличие от некоторых парламентов художественный мир немецкого писателя всегда будет оставаться местом для дискуссий. Насколько убедителен автор, формулирующий тезисы наперекор всей предшествующей традиции? Как аргументировать своеобразное понимание интенций гофмановского творчества в отсутствие прямых свидетельств об отношении писателя к философу?

Л. А. Калининков сформулировал гипотезу (творчество Гофмана можно понять адекватно только через его кантианское мировоззрение), а затем выявил в нескольких произведениях все возможные отсылки к Канту на уровне мотивов и идей (в «Крошке Цахесе» речь идет о свободе и Просвещении, в «Песочном человеке» дан анализ противоречий в миропонимании, а в «Житейских воззрениях...» описаны типы лично-

сти). Все это допустимо, но не убеждает окончательно: в ряде случаев, собственно, обсуждаются широко распространенные в Европе XVIII—XIX вв. темы. Нужны безукоризненные аргументы на уровне *текста*, и автор монографии приглашает читателя к совместному поиску доказательств: в книге приведены разнообразные примеры буквальных совпадений в сочинениях Гофмана и Канта. Это должна была быть самая безупречная аргументация, но она вызывает и больше всего вопросов. Действительно ли Гофман сознательно цитировал Канта, ведя игру с философски образованным читателем?

Нужно сказать, что в ряде случаев Л. А. Калинин правмерно обращается к немецкому оригиналу гофмановского текста, указывая на идиоматический строй немецкого языка (с. 194) или экспрессивность восклицания рассказчика (с. 229). Однако так происходит не всегда. В одном из эпиграфов Л. А. Калинин использует реплику из «Крошки Цахеса»: «...если в деле замешаны какие-нибудь адские чары, то нужно только бороться с ними посредством твердого разума, и победа несомненна, если иметь достаточно мужества» (с. 21), — чтобы показать, что генеалогия гофмановских идей восходит к кантовскому императиву «Имей мужество пользоваться собственным разумом». В переводе А. Морозова цитата звучит иначе: «...если тут замешано какое-нибудь адское колдовство, то нужно только с твердостью ему воспротивиться. Победа несомненна там, где есть мужество» [1, с. 597]. Для прямой аллюзии на кантовский тезис нужны два слова — «разум» (точнее, рассудок) и «мужество», однако в переводе осталось только второе, превращающее суждение героя в трюизм. Оригинальный текст сказки Гофмана расставляет все по своим местам: «...ist irgendein hoellischer Zauber im Spiele, so kommt es nur darauf an, ihm mit festem Sinn entgegen zu treten, der Sieg ist gewiss, wenn nur der Mut vorhanden» [4]. С кантовской формулой «Habe Mut, dich deines eigenen Verstandes zu bedienen!» цитату роднит лишь слово *Mut* (мужество), место «твердого разума» заняла твердость духа (*mit festem Sinn*). Даже в том случае, если Гофман по каким-то соображениям использовал синоним, имея в виду все же кантовский девиз, борьбу с адскими чарами не так легко отождествить с тем выходом из состояния несовершеннолетия, за который ратовал великий философ.

Спорной представляется и другая обнаруженная параллель. В песне ведьм («Известие о дальнейших судьбах...») есть строка «Пять и семь — прибавка сил» [1, с. 66]. Л. А. Калинин трактует это как прямое заимствование из «Критики чистого разума», где иронизировавший над мистикой Кант для примера априорного синтетического суждения избрал священные числа зодиака: « $5 + 7 = 12$ » (с. 65). Однако факт гофмановской аллюзии на кантовский текст этим еще не доказывается окончательно. Не имеем ли мы дело с *капризной игрой случая*? Во-первых, в «Критике...» задана другая последовательность чисел в формуле « $7 + 5 = 12$ »; во-вторых, перевод С. Шлапоберской не лишен вольности. В оригинале: «Ist im Fünf die Sieb'n gewogen» [3], то есть «в пятерых взвешено семеро» (это, кажется, о ведьмах, а не об априорных суждениях), и при всей туманности тезиса трудно просчитать «прибавку сил». Для

сравнения укажем, что французский переводчик понял предложение так: «семеро в пятерых действуют в согласии» («Les sept en cinq marchent d'accord») [5]. В обоих случаях на суммирование нет и намека.

В словах Мурра автор монографии находит признаки «кота, *кантониански образованного*»: герой называет сам себя «котом, обладающим *острым рассудком, острым разумом* и не менее *острыми когтями*» (с. 105). Л. А. Калинин делает вывод о том, что рассказчик «строго различает *рассудок* и *разум*» (у Канта соответственно *Verstand* и *Vernunft*). В оригинале у Гофмана сказано: «Der Geist, Verstand... und scharfe Krallen» [3]. Помимо острых когтей кот приписывает себе душу (дух, ум) и рассудок (*Verstand*). Но русский Гофман в разное время звучал по-разному! В монографии процитирован перевод А. Голембы (1972). Другие переводчики напоминали читателю, что он «имеет дело с котом, в распоряжении у которого есть ум, рассудительность и острые когти» (К. Бальмонт) [1, с. 979], или предлагали «иметь дело с умным котом, у коего есть в запасе острый язык и не менее острые когти» (Д. Каравкина) [2, с. 113]. Возможно, в случае А. Голембы мы имели дело с *кантониански образованным* переводчиком, но терминология немецкоговорящего Мурра не в меньшей степени свидетельствует в пользу кошачьего гегельянства.

Небесспорен и другой пассаж в переводе А. Голембы, хорошо владеющего кантовской терминологией: «...князь пригласил принца проследовать в парадную залу и принять там участие в роскошной церемонии, присутствовать на которой сочли необходимым все особы и персоны, которые, хотя бы в незначительной степени, так сказать для себя, как вещь в себе, имели нечто общее с княжеским двором» (в монографии на с. 160 дана ошибочная ссылка на с. 107 в цитируемом издании перевода А. Голембы, а на самом деле это с. 247). Текст оригинала выдает самого переводчика как большого *оригинала*: «...und der Fürst den Prinzen einlud zu der Prachtszene, die er durch Zusammenberufung sämtlicher Personen, welche nur im mindesten was Hoffähiges an und in sich trugen, im Prunksaal bereitet» [3]. Для других переводчиков *вещь в себе* умопостигаемой не стала: «...он призвал в парадную залу решительно всех, кто только имел хоть что-нибудь, соответствующее природной пышности» (К. Бальмонт) [1, с. 1106] и «... с каковой целью тут были собраны все особы, по своим качествам мало-мальски достойные допуска ко двору» (Д. Каравкина) [2, с. 279]. В этой странной сцене собрания аристократов *вещи в себе* места не нашлось.

Говоря о *хрупком* человеческом типе (первая ступень развития злого сердца — «хрупкость человеческой природы», с. 130), Л. А. Калинин цитирует кантовскую «Религию в пределах только разума». Курсивом исследователь подчеркивает параллель этим словам в крике души кота Мурра о том, что мы подобны «*хрупкому*, колышущемуся тростнику» (с. 136). Эта аргументация столь же *хрупка*, как человеческая природа: сравнение оригиналов показывает, что Кант и Гофман используют разные слова (Кант — «хрупкость», «Gebrechlichkeit»; Гофман — «слабый колеблющийся тростник», «ein dünnes schwankendes Rohr») [3].

Примеров заимствования Гофманом у Канта *лексики* в монографии приведено немало, но при обращении к оригинальным текстам неиз-

бежно возникают сомнения. Это, конечно, не отменяет возможности влияния Канта на Гофмана на уровне *идей* или того, что Гофман в конспиративных целях мог умышленно использовать синонимичные лексемы, но общих рассуждений, не опирающихся на текстологию, явно недостаточно для вынесения окончательного вердикта.

Книга написана со *страстью*, а пристрастный автор всегда уязвим. Читатель, имеющий мужество воспользоваться собственным умом, на каком-то этапе почувствует, что он вовлечен в изящный постмодернистский эксперимент. Историк литературы едва ли с легкостью откажется определять Гофмана как романтика. «Устою ли перед строгим судом критики? – вопрошает кот Мурр. – Но ведь я писал для вас, о, чувствительные души, о, чистые, детские натуры, о, родственные мне, верные сердца, и одна-единственная слезинка из ваших глаз утешит меня, исцелит рану, нанесенную холодным осуждением бесчувственных рецензентов» [1, с. 978–979]. Как бы ни старались рецензенты, книга Л. А. Калинникова вызовет у благосклонного читателя и интерес, и улыбку, и восхищение, и возражения, и желание познакомиться поближе с творчеством Гофмана, и стремление вникнуть в хитросплетения его отношений с немецкой классической философией. И тексты, вроде бы изученные вдоль и поперек, еще долго будут притягивать читателей. В этом отношении свой моральный долг перед великими земляками автор книги, вне всякого сомнения, исполнил.

Список литературы

1. Гофман Э. Т. А. Полное собрание сочинений : в 2 т. М., 2011. Т. 1.
2. Гофман Э. Т. А. Избранные произведения : в 3 т. М., 1962. Т. 3.
3. Hoffmann E. T. A. Lebensansichten des Katers Murr. URL: <http://www.gutenberg.org/files/38780/38780-h/38780-h.htm> (дата обращения: 05.05.2013).
4. Hoffmann E. T. A. Klein Zaches, genannt Zinnober. URL: <http://archive.org/stream/kleinzachesgenan09200gut/7klnz10.txt> (дата обращения: 05.05.2013).
5. Hoffmann E. T. A. Les dernières aventures du chien Berganza / trad. H. Egmont. URL: http://fr.wikisource.org/wiki/Les_Derni%C3%A8res_Aventures_du_chien_Berganza (дата обращения: 05.05.2013).

И. О. Дементьев,
канд. ист. наук, доц.,
БФУ им. И. Канта